

Хроника потерянных» пролежала в моём письменном столе 28 лет, и это не мистификация и не литературный приём, к коим иногда прибегают литераторы—тому, что роман закончен в 1990 году, есть свидетели: уже тогда его прочли несколько писателей, журналистов и редакторов. Да внимательный читатель и сам это поймёт—по некоторой робости, с какой я брался за слишком острые в то время ситуации, темы, идеи, бывшие в то время на слуху; теперь-то многие из них уже стали отработанными штампами (как, например, эпизод «медвежьей охоты» для начальства).

Хочу объяснить, почему он так долго пролежал.

Время, когда я его писал—конец 80-х годов XX века—было хоть и советским ещё, но уже перестроечным: шумным, митинговым,—и писал я его, помнится, легко, с удовольствием, пользуясь элементами сатиры и фантастики, а написав, тотчас

понёс, ещё, можно сказать, горяченькой, в местное издательство. Однако в издательстве, прочитав, мне его вернули с таким подтекстом: ты его нам не давал и мы его не читали; мы—не самоубийцы.

Я был обескуражен: ведь, окрылённый относительной перестроечной свободой слова, я решил дать в своей книге полный разрез советского общества, начиная с первого лица государства и кончая бомжами, обитающими в тепловых камерах и подвалах; в сюжет были вовлечены крупные областные руководители, чиновники, писатели, архитекторы, рабочие—это было своего рода социологическое исследование; я шёл непроторенным путём и думал, что многим это будет интересно. Я, конечно, понимал, что в редакции, свободной от перестроечной эйфории, ещё витает дух осторожности и советской цензуры—но не до такой же степени.

АЛЕКСАНДР АСТРАХАНЦЕВ